

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ МОГИКАН

Довольно давно уже никому не приходит в голову делить сильных шахматистов на игроков позиционных и комбинационных. Сегодняшние шахматы — универсальны, взвешены, сбалансированы, и любой гроссмейстер экстра-класса владеет всей палитрой красок, составляющих подлинное произведение шахматного искусства. Другое дело, что к такой гармонии древняя игра шла не одно столетие. Вроде бы совсем уже изжил себя период романтизма, гусарских атак, комбинаций во имя самой комбинации, но вдруг, отодвинув в тень воцарившиеся классические шахматы Ласкера, Капабланки и Ботвинника, древний мятежный дух вновь ворвался в шахматный мир и очаровал всех, открыв хорошо забытое старое. Сделал это 8-й по счету Король в шахматной истории.

Бесконечная череда чемпионов и рекордов в людском сознании неравнозначна. Мы считаем сильнейшим человеком Земли штангиста-супертяжеловеса и на задворки своего внимания отодвигаем удивительные по отношению к собственному весу килограммы, поднятые «мухачом». Среди ночи назовем быстрее в мире спринтера и долго будем вспоминать фантастические секунды на дистанции всего лишь раза в четыре длиннее. Прыжок в высоту для нас — это победа над земным притяжением, а вот тройной — дело, конечно, заметное и почетное, но...

В этой схеме, полной условностей и несправедливостей, однако абсолютно реальной и живучей, шахматы стоят наособицу. Их короли — тоже. Наверное, потому, что сильнейшие в мудрой игре подсознательно — и априори — признаются если не самыми умными в мире, то

среди них, умнейших. К тому же попробуйте сопоставить академика медицины с академиком химии: непременно возникнет детский вопрос о сравнительной силе кита и слона. Кто кого соборет? Дай ответ! Не дает ответа. В шахматах же все формализовано: у кого на пол-очка больше, тот и умнее.

По всему по этому более известного на свете спортивного титула, нежели Король шахмат, пожалуй, нет. К тому же пересчитать чемпионов мира за всю цивилизованную историю шахмат можно почти что по пальцам рук. Были они — и есть — очень земными. В той или иной степени — детьми своего времени, щедрыми и скупыми, добрыми и не очень, порой интриганами, всегда или почти всегда — исполненными внутренне-го высокомерия, рожденного, впро-

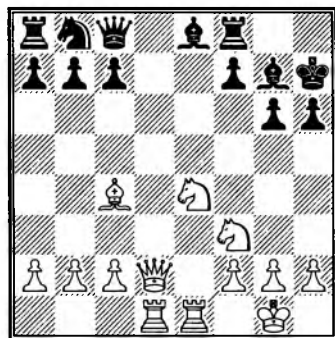
чем, всеобщим поклонением шахматного и нешахматного миров. И только один из тринадцати являл собою нечто совершенно необычное. Только один играючи перенес испытание славой (когда его аттестовали — «живой гений», он отшучивался — «полуживой»), деньгами (они интересовали его в пределах сегодняшнего, ну в крайнем случае завтрашнего ужина — хватит, и слава Богу; когда же ЦК КП, Президиум Верховного Совета депутатов трудящихся и Совет Министров ныне абсолютно суверенной республики подарили ему на благословенном Рижском взморье дачу стоимостью в миллион (!) советских рублей с копейками, а затем отобрали подарок, он и ухом не повел, в то время как иные его коллеги по шахматному трону душой бы тронулись после такой потери), властью (ее, правда, у него никогда и не было, потому как меньше кого бы то ни было он стремился командовать хоть кем-то, за исключением разве что своей жены).

После всего сказанного невозможно не догадаться, что речь идет о Михаиле Тале. Конечно, и до этого волшебный мир Игры знал блистательных мастеров комбинаций, жертвенных атак, красивых тактических ударов, но... «Время, которого у нас нет, дороже фигур, которые у нас есть», — только Таль сформулировал как афоризм эту доминанту современных шахмат, только Таль возвел эту глобальную идею в Принцип, и только он, Михаил Таль, собственной неисчерпаемой практикой подтвердил жизнеспособность и продуктивность этой динамики, дополнившей некую статику доталевских, так называемых классических шахмат.

Вот потому-то одним махом взлетевший на шахматный трон, самый молодой по тем временам чемпион мира был провозглашен устами гроссмейстеров,

мастеров и миллионами любителей шахмат гением. Помнится, никто, кроме патриарха советских шахмат Михаила Ботвинника, против такой оценки не возражал...

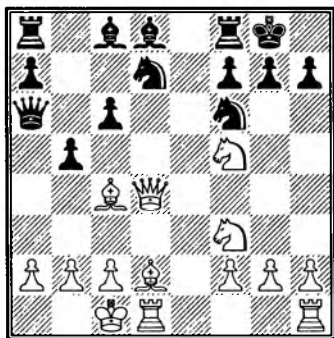
А играл он феерически. И почему-то сильнейшие из сильнейших «позволяли» ему проводить свои стремительные, взрывные, наподобие фехтовальных эскапад, истинно талевские атаки.

19. ♖e5+ hg 20. ♘:g5+ ♔g8 21. ♖f4 ♘d7 22. ♖:d7 ♘:d7 23. ♘:f7+. Черные сдались.

Так был повержен непробиваемый, не более одной партии в год проигрывавший «железный» Тигран Петросян, и на этом же командном чемпионате СССР 1974 года позади Талья на первой доске остались еще два экс-чемпиона мира — Смыслов и Спасский, а также Бронштейн, Геллер... Каково созвездие, а?... К слову, именно результат Талья позволил его команде «Даугава», слабейшей в квалификационном отношении, выступить достойно, и за бортом высшей лиги остался «Локомотив», ведомый Б. Спасским, Л. Полугаевским, другими «гроссами». И сколько бы раз ни играл Таль за сборную СССР на Всемирных Олимпиадах, всегда блистал, всегда словно бы электризовал товарищей искрометностью и неудержимым напором. 12 из 13-ти

на Олимпиаде-66 в Гаване!, 14 из 16-ти — на трудно складывавшейся Олимпиаде-72 в Скопле!, 11 из 15-ти на первой доске в Лейпциге-60 и 13,5 из 15-ти в Мюнхене-58!!! Другое дело, сколько раз он, за себя постоять не умеющий, оставался в нашей команде «седьмым лишним»...

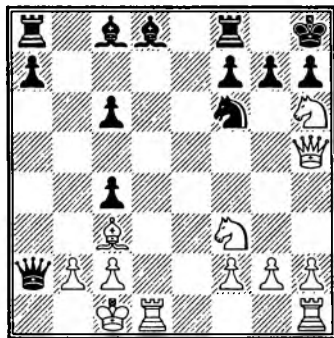

А вот здесь в партии против очень грозного в те годы **Смылова** Таль на турнире претендентов-1959, будучи еще гроссмейстером без году неделя, но находясь на своем немислимом взлете, и не подумал увести из-под удара атакованную фигуру. За что жертва? Помните, «время, которого у нас нет...»

14. ♖h4! bc 15. ♖g5 ♘h5.

В надежде возвратить лишний материал, упрощениями снизить натиск и самому перейти в контратаку.

16. ♘h6+ ♘h8 17. ♖:h5 ♖:a2 18. ♙c3 ♘f6.

19. ♖:f7!!

Так со вчерашним чемпионом мира не играл еще никто! «Не красоты ради, а быстроты для», — прокомментировал это позднее сам Таль. Угроза классического спертого мата, редкая даже в менее значимых соревнованиях, вынудила черных расстаться с качеством — 19... ♖a1+ 20. ♘d2 ♖:f7 21. ♘:f7+ ♘g8 22. ♖:a1, и через четыре хода черные сдались.

Дальше — больше, и собрал Таль за свою жизнь, не столь уж долгую, около полусотни призов за красоту — рекорд, который вряд ли когда-нибудь будет улучшен...

С 1993-го его нет с нами. Нет в прямом, материалистическом смысле слова, но есть и всегда будет — в духовном. Знаю тех, кому он снится. Знаю куда большее количество людей, вспоминающих о встрече с ним: радугой расцветали комнаты, в которых появлялся Таль. В его речи причудливым узором сплетались мудрость, остроумие и обыденность: как если бы творца библейских притчей перенесли в день сегодняшний и предложили выступить на эстраде.

Надо было слышать, к примеру, рассказ Тяля о том, как он, уже немолодой и совсем не слишком здоровый (правда, таковым он никогда не числился), взял и выиграл первый в мире неофициальный чемпионат по блицу, оставив позади и Гарри Каспарова, и Анатолия Карпова, и всех зарубежных гроссмейстеров, порой ему в сыновья годившихся. Но как передать неповторимую его интонацию, неповторимую талевскую улыбку на бумаге? И на сцене концертной студии «Останкино» (существовала некогда такая телевизионная встреча с очень интересными людьми спорта или причастными к спорту) он был неподражаем,

когда в лицах изображал сомнения каннадской банковской служащей: надо ли вручать чек в 50 тысяч долларов ему, а гроссмейстеру Ваганяну — в 20, и не хватит ли с них соответственно долларов пятьсот и двести. И как затем, доставленные в Москву, эти призы нашли своего «истинного владельца» — Госкомспорт СССР...

А когда в ломящемся от публики зале Центрального шахматного клуба Талью вдруг был брошен вопрос: «Вы морфинист?» — то ответной мгновенной реакции позавидовали бы все первые ракетки мира, вместе взятые. «Нет, я чигоринец», — выпалил Таль, и шахматная аудитория с восторгом встретила ответ, в полной мере оценив нюансы, основанные на именах великих Морфи и Чигорина. Хотя, если отвлечься от шахмат, то чисто физические страдания от 12 (!) хирургических операций и бесконечных приступов вполне могли бы сделать человека и наркоманом, и алкоголиком, и вообще кем хотите.

Да, второй компонент из этой триады Таль любил. В хорошей компании, обязательно за хорошим, блещущим остроумием разговором. Сейчас-то я понимаю: скучновато ему порой становилось в этом мире — точнее, на одной шестой земного шара, где, так или эдак, со скидкой на его вольность и богемность, он, личность заметная и просто Личность, все время обитал «под колпаком». Сколько вытерпел он, гений шахмат, когда годами его не выпускали сыграть за рубежом, когда однажды утром просто сняли с трапа самолета! А как же: столько времени живет «невенчанный», значит, и заложницей такую женщину считать нельзя? То, что потом они уже с печатями в паспортах пройдут вместе по жизни 22 года, советская

власть со своей «моралью» предвидеть не смогла. Подобное обращение с человеческим достоинством в СССР коробило многих.

Из песни слова не выкинешь: не один, не два и не десять наших шахматистов навсегда покинули родные места. Легально, с оформлением всех положенных эмиграционных документов или с нарушением 64-й (мистика какая-то, и здесь чисто шахматное число!) статьи Уголовного Кодекса РСФСР, которая среди прочего грозила приличным сроком и даже высшей мерой наказания так называемым «невозвращенцам» из зарубежных командировок. О некоторых в наших газетах появлялись уничтожительные статьи и письма в редакцию — это когда умолчать было невозможно. О других шахматные болельщики узнавали много позже, получив какой-нибудь зарубежный журнал и найдя там знакомую фамилию среди участников чемпионата той или иной страны. Как правило, фамилии возглавляли таблицу; бывшие советские гроссмейстеры (если уезжали мастера, то долго они за рубежом в этом звании не засиживались) становились чемпионами Франции и Соединенных Штатов, Израиля и Швейцарии, Голландии, Швеции, Канады, Австралии, даже — парадокс — дружественных нам Болгарии и Польши.

Вот потому-то как нечто обыденное принято было известие, что число наших «бывших» пополняет и еще один экс-чемпион мира: вслед за Спасским — Михаил Таль. И новость эта (прежде чем стать слухом) отпечаталась черным по белому на страницах одной молодой по возрасту, но весьма популярной газеты, название которой в полном соответствии с правилами старой русской орфографии заканчивается на букву «ъ»).

Вообще-то надо сказать, что Талю всю жизнь сопутствовали легенды. Одну из них мы, изрядно поспорив между собой, все же разоблачили в книге «В огонь атаки» (строго говоря, авторы дружно называли ее чуть иначе — «На алтарь атаки», но в то время слова из «церковного» лексикона поднимали у цензоров и издателей шерсть дыбом, и название нам «зарезали»). Так вот и канул в лету многократно расписанный в сотнях статей и в манускриптах миф о том, что мальчишка Таль с шахматной доской под мышкой пришел в санаторий к отдыхавшему там Михаилу Ботвиннику, только что ставшему шахматным королем мира, и что только неведомая женщина, не пустившая Мишу-младшего дальше крыльца, помешала тогда их первой матчевой встрече.

Было и такое: с траурными рамками вышли многие, самые серьезные югославские газеты. Таля боготворили в этой стране, где он одержал не одну из своих ослепительных побед, где его фамилию давали новорожденным как имя, и некрологи поэтому содержали слова, идущие от души. Тут даже остроумнейший Таль онемел от изумления, но очень быстро пришел в себя и повторил бессмертное высказывание классика — «Слухи о моей смерти сильно преувеличены».

И вот — Таль эмигрирует в Израиль? Ему предложена должность главного тренера национальной сборной (это Талю-то, просто не способному хоть на минуту стать даже президентом), и он согласился.

Ему, мол, приготовлена роскошная квартира, и он согласен, а сам и в своей рижской, неохватной, довольствовался всю жизнь диваном, горой книг под боком — иногда по 3-4 за ночь! — и что-то

бурчащим в изголовье телевизором. И еще обещали ему золотые Голанские высоты и Средиземное море, полное вина...

Откуда взял тогда все это спортивный обозреватель газеты, из какого пальца высосал — я не знаю. Правдой было лишь то, что во время командного чемпионата Европы в Израиле Таль, как и другие экс-чемпионы мира, был приглашен организаторами в качестве почетного гостя, и надо быть, наверное, уж очень дремучим человеком, чтобы отказаться от предложенной двухдневной экскурсии по колыбели европейской цивилизации. А на день третий или пятый у Таля заболел зуб, и когда в стоматологическом кабинете отлично оборудованного госпиталя врач увидел его так называемые зубы (Талю всегда было в высшей степени наплевать на собственное здоровье), то... Словом, через неделю Таль блистал голливудским оскалом слегка тонированных, «под настоящие», зубов, полученных в подарок от врачей, от организаторов ли чемпионата Европы — не знаю, не спрашивал...

И тут же, как совсем достоверная, пошла по шахматному и нешахматному народу другая молва: Таль эмигрирует в Германию, где его ждет все то же самое, только вот вином налито не Средиземное море, а Рейн на всем его протяжении...

И снова засыпали Таля вопросами, и в международном аэропорту Шереметьево слышал он из уст таможенника: «Что, в последний раз летите?» А все потому, что никто не знал, как в очередную, очень болезненную для него «невывпускную» годину, Таль на мое отчаянное предложение — «Миха, а не свалить ли тебе отсюда к ... матери!?» ответил так, что холодом пробежало по моей спине: «В Риге у меня слишком большое клад-

бище». Патриоты, ныне клянущиеся в своей любви к России, — вы способны на такое? Не на митинге — тет-а-тет?..

Но при всех допускаемых им излишествах — абсолютная мощь ума и фантастическая, не дававшая сбоев трезвость памяти. Вот, например, типичное. Сижку пишу. Помню, что в одной из партий свердловского турнира военных лет Рагозин сыграл ♗c1-h6, ставя слона под удар пешки g7 и разрушая прикрытие черного короля. Кроме этого не помню ничего: ни имени соперника, ни номера хода, ни точного положения фигур на ферзевом фланге.

В общем-то, ничего страшного. Существует библиотека, а в ней — бюллетени того давнего турнира и журнал «Теоретический бюллетень», где я эту партию и видел. Но... На Гоголевский бульвар ехать полчаса, а телефон — под рукой, и — редкий случай — Таль сейчас в Риге.

Автоматика срабатывает безотказно.

— Миша, помнишь, в Свердловске, в 42-м, Рагозин двинул слона на h6 под бой пешки g7...

— А-а, с Болеславским. Ходы нужны? Записывай...

И Таль с быстротой, сопоставимой лишь со скоростью света, выпаливает мне ходы до того самого 15. ♗h6, так, как будто перед ним лежит печатный текст этой партии или как будто все свои 30 лет в Больших шахматах он только тем и занимался, что ежедневно, словно молитву, повторял по утрам девятнадцатиходовую миниатюру Рагозин — Болеславский...

Такое случалось не раз, не два и не десять. Потом я поменял квартиру, телефон в ней оказался неподключенным к междугородней автоматике, и на какие-то месяцы эксплуатация талевской па-

мяти прекратилась. А потом... Потом я удивлением заметил, что Таль словно бы старается забыть какую-то часть того, что всю жизнь запоминал. Конечно, он по-прежнему мог ответить на любой вопрос, но при этом не чувствовалось того мгновенного возбуждения, которое пронизывало его мозг при возникновении новой задачи...

Разгадка нашлась тогда, когда по какой-то причине я взял в руки учебник Ласкера и натолкнулся на высказывание человека, которого весь мир считал мыслителем. Он писал: «Большую часть жизни я потратил на то, чтобы выбросить из головы массу усвоенного в юности». Так может быть, и Таль чисто интуитивно — или осознанно? — сделал нечто подобное? Не это ли позволило ему стать в «новых шахматах» «новым Талем», о котором Михаил Ботвинник сказал однажды: «Таль оказался способным к самопрограммированию»?

Впрочем, все это служит лишним доказательством «теоремы» о непостижимости Таля...

Таль ушел. Безвременно. Может, в иной мир, может, в лучший. Подло и глупо было бы винить рижских врачей, многократно Таля спасавших, что на сей раз, при очередной операции, ему занесли стафилококк, проникший и в печень, и в единственную остававшуюся почку, но не посмевший тронуть его могучий мозг и сердце. Несколько лет доигрывал Таль эту безнадежную уже партию своей жизни. Смертельно больным, на инвалидной коляске, сыграл еще в последние свои месяцы в Испании. Взял третий приз — сейф (это ему-то, бессребренику!) в блиц-турнире на сцене любимого Домжура в Москве и выиграл к тому же у чемпиона мира, находящегося в расцвете сил. И за несколько дней до финиша

мы еще дописывали с ним последнюю совместную книгу. Она сразу же вышла в Англии, но вот на русском, для своих, — относительно недавно.

А теперь — послесловие, которого лучше бы не было. В 1995-м, когда усилиями Гарри Каспарова в Риге прошел этап Кубка Профессиональной шахматной ассоциации — мемориал Таля, тогдашний Президент Латвийской Республики г-н Гунтис Улманис сказал мне в микрофон, и его слова на волнах «Маяка» разнеслись далеко по свету: «Таль — это личность, это величина и в какой-то степени символ Латвии. И я могу только сожалеть, что Таль не дожил до тех времен, когда Латвия стала суверенным государством... Я думаю, история Латвии отведет Талю место очень и очень значительное...»

Я тоже верю в это. Только, наверное, для этого надо суверенной Латвии стать иным, человечным государством. Потому что исчезла с лица земли квартира Таля, обещанная шахматистам как его музей. С дома № 34 по бывшей улице Горького исчезла мемориальная доска: воры ли польстились на килограмм цветного металла, власти ли передумали — Бог знает. Возле альма-матер, Рижского университета так и не встал уже изготовленный бюст самого знаменитого его выпускника, а на кладбище до последних дней не было памятника, пусть самого простого и самого дешевого. Зато 8 июля 1996 года в паспорте жены Таля Энгелины Николаевны твердая рука латвийского чиновника перечеркнула штамп с так называемым персональным кодом, или, попросту говоря, видом на жительство. И на могилу мужа теперь ей можно приезжать, каждый раз испрашивая визу и ожидая ответа, в том числе и весьма вероятного отказного, месяца по полтора.

Но вдруг так и надо поступать с какими-то родными какого-то «символа Латвии»? В чем-то ведь должна она выражаться, Свобода...

P.S. Москвичи поначалу отнеслись к Талю лучше. Сразу же после его кончины Ратко Кнежевич, югославский фотожурналист и бизнесмен, давным-давно живущий в российской столице, на свои средства организовал блицтурнир в память друга, и самые именитые гроссмейстеры мира прямо-таки рванулись в Москву, отказываясь от призов и компенсации за авиабилеты. Он же привез к нам отданные семьей награды великого шахматиста, полученные на десятках соревнований, его портреты кисти известных мастеров, медали, кубки. И на шестом этаже гостиницы «Минск» на Тверской в шахматном клубе «Гусар из Риги» (так при жизни часто называли Таля) возник его музей. А потом...

Потом чье-то стремление к чистогану накрыло своей тенью посмертный дом гения, и музей исчез, поскольку вытеснен был с завидного куска московской земли и клуб его имени.

Кто-то от этого стал богаче. Человечество — и это не громкое слово — обеднело.

* * *

Еще несколько «кусочков мозаики» к портрету этого Человека.

Московское издательство собиралось выпустить комплект из 16 открыток двойного формата, посвященных лучшим советским шахматистам. На каждой — перечень официальных успехов, наград, титулов, фрагмент одной из партий — своеобразная визитная карточка гроссмейстера и — очень короткое эссе. О Тале оно начиналось так:

«На такое во всем мире способен, без сомнения, только Таль: когда его однажды спросили о любимых своих партиях, он назвал три поединка. Причем первые два — блестяще выиграл, а третий... проиграл, «дав» к тому же сопернику приз за красивейшую партию турнира.

— Ну и что?! — ответил Таль на недоумение слушателя. — Я участвовал в создании красивой атаки, и она, хотя и оборушилась на меня, доставила удовольствие...

Таков Таль».

Можно добавить, что это была вышеприведенная встреча со старейшим участником чемпионата СССР 1961 года, таким же рыцарем комбинаций и парадоксов Рашидом Нежметдиновым, и что после партии состоялся диалог... Впрочем, слово Талю:

«Возвращаясь в гостиницу вместе с Полугаевским, я предложил ему пари, что ни одной ничьей у меня больше не будет. Играть осталось шесть партий, и Лева удивился:

- Как ничьих не будет?
- А вот так!!
- Ты что, собираешься все проигрывать?
- Нет!

Пари я выиграл, так как баланс на финише оказался +5—1=0!»

Вот так истинная красота действует на истинных ее ценителей.

* * *

И здесь парадокс: экс-чемпион мира, шестикратный чемпион СССР, победитель восьми Всемирных Олимпиад (трижды — абсолютно лучшие результаты!), шести первенств Европы и крупнейших международных турниров реванше относится к счету в... сеансах одновременной игры.

Да-да, в сеансах, которых дал, наверное, не одну тысячу. Понятно: можно гордиться разгромом, учиненным по радио сборной команде Австралии. Но досадовать из-за упущенной победы в какой-нибудь партии какого-нибудь сеан-

са?! Причем досадовать достаточно серьезно?! Ох, как влетело мне однажды, когда в альтернативном сеансе мы проиграли одну партию из тридцати. Проиграл-то ее, конечно, я, не поняв коварного замысла гроссмейстера и потеряв темп на «нормальный», позиционно обоснованный ход. Весь вечер и часть ночи (спать Таль ложился совсем по Корнею Ивановичу Чуковскому — «от двух до пяти») он, мило улыбаясь, возвращался к содеянному — и прощения мне не было...

Безусловно, в сеансах Таль — джентльмен из джентльменов. Всегда разрешит партнеру пропустить ход и подумать, всегда сам предложит даме ничью (даже если той меньше двенадцати лет), всегда поздравит соперника с успехом (ничья — тоже успех!) и найдет добрые слова для оценки его игры. Но... Сколько раз он с таким удовольствием говорил о счете типа 24,5 : 0,5, что все эмоции гроссмейстера при этом лежали, как на ладони. Удивительно, но факт...

* * *

Кстати, и задоской в серьезных встречах он совсем не был так уж спокоен, как это иногда казалось со стороны. И если допускал ошибку, то начинал ругать себя, что называется, последними словами. Знал, что очень часто такое «отвлечение» от дела сказывается губительно, и все-таки продолжал...

* * *

Или такая история. Еду году в 80-м по окраине Риги и вижу множество людей с книгами в руках. Официального книгообмена тогда еще не существовало, и я вышел из машины: интересно, кого на кого меняют.

На руках — «полный джентльменский набор»: Юлиан Семенов, Валентин Пикуль, братья Вайнеры, Дюма-отец... И — «В огонь атаки», наша с Талем книга о нем.

— На что меняете?

Хозяин мнетя и с ответом не торопится. Все ясно.

— Сколько?

— Пятнадцать.

Удовольствие я получил несказанное: тут же позвонил Талю, спросил:

— Миша, знаешь свою цену? А мою?

Так вот, по семь рублей с половиной на нос!..

Реакция была мгновенной.

— Надо скорее умирать, прижизненные издания всегда дорожают!

* * *

Таль лежит на диване, ноги согнуты в коленях, одна заброшена на другую (при этом идея снять отлично выглаженные брюки и укрыться пледом даже не приходит ему в голову), страницы переворачиваются одна за одной, окурки не помещаются в литой чугунной пепельнице. Попутно переведен английский текст (а «в запасе» еще свободное владение немецким, сербским — даже по югославскому телевидению выступал, латышским, естественно, и не столь свободное — испанским, голландским...), заданный моей дочери на дом и... «Доброе дело никогда не остается безнаказанным» — в подтверждение этого афоризма двенадцатилетняя Танька, наследственно ненавидящая алгебру, продолжает приставать:

— Дядя Миш... А тут как?..

Задача решена, за ней другая. И вдруг Таль переходит в контратаку.

— Котятин (им же придуманный — и прижившийся! — «псевдоним» Татьяна), ну-ка назови два трехзначных числа.

Накануне несостоявшегося матча: с Робертом Фишером кроме тренера — гроссмейстера Семена Фрумана Анатолию Карпову советуют Тигран Петросян и Михаил Таль

Книга откладывается, и весь вечер измученный ребенок «выдает» нечто вроде 673 и 497, а Таль неумоимо и с азартом их перемножает. В уме! Несколько раз я на бумаге контролирую его — все верно. Тайком включаю секундомер: на первые умножения Талю требовалось секунд по 40, через час-другой — секунд 20. Много? Для циркового трюка, пожалуй, да, а вот для человека с чисто гуманитарным образованием и складом души... Впрочем, попробуйте сами...

Абсолютный музыкальный слух, абсолютная память, но... Шахматная моя библиотека не раз несла серьезный урон, когда Таль находился в Москве. Типовым уже был вариант: часов в одиннадцать утра раздается телефонный зво-

нок и мужской голос вежливо спрашивает:

— У вас находится Михаил Таль?

— Да.

— А у меня находится... его паспорт.

Вчера вечером я нашел его в телефонной будке, сегодня позвонил в шахматную федерацию и мне сказали, где искать Талья.

— Большое спасибо, куда можно приехать за паспортом?

Собеседник назначает randevu и, помявшись, произносит стереотипное:

— А Михаил Нехемевич не мог бы подарить мне книжку с автографом?

— Конечно, конечно!

И мы лезем на полки, и Таль пишет какие-то теплые слова, а я ругаю его на чем свет стоит. Разумеется, не за книжку. Но как можно держать паспорт, а то

и заграничный, в боковом кармане пиджака или в брюках? И зачем в поисках двухкопеечной монеты обязательно выгребать все на полочку в кабинке телефона-автомата?

Таль улыбается, соглашается, а я замолкаю, ощущая себя одним из героев известной басни Крылова про кота Ваську. Ну кому же охота чувствовать себя таким беспробудным... поваром?!

* * *

Вот таков Таль в самые обычные, отнюдь не звездные минуты своей жизни. Конечно, таких мгновений было много, и Таль в них еще более разный: невыносимый и ласковый, веселый и угнетенный, всегда добрый, всегда обаятельный. Словом, всем нам знакомый непостижимый Михаил Таль.

Пусть же рассказ о последнем из рыцарей романтического Века шахмат завершат строки, написать которые на всем свете мог только он:

«Когда ты садишься играть свою первую в жизни шахматную партию, думаешь ли ты, надеешься ли ты, что тебе когда-нибудь предстоит играть матч на первенство мира. Наверное, нет. Наверное, нет, потому что матч на первенство мира достаточно редкое явление, и просто физически в нем не может участвовать слишком много любителей шахмат: гроссмейстеры — они ведь тоже любители...»

Итак, первая в жизни партия. Играя ее, человек еще не знает, что уподобился в эти минуты тому, кто принял в себя порцию микробов гонконгского, ан-

лийского, азиатского гриппа. Он еще чувствует себя здоровым, но микробы уже делают свое дело.

Нечто подобное происходит и в шахматах. Ты садишься играть, тебе только что показали, что конь ходит буквой «Г» (может быть, ты еще не знаешь грамоту, но эту букву уже освоил), слон ходит вкось, тура — именно тура! — ходит прямо, а королева — опять-таки не ферзь, а королева! — любит свой цвет. Эту первую партию ты проигрываешь, если конечно папа, старший брат или просто старший знакомый не захотят сделать тебе нечто приятное. Потом ты играешь вторую партию, третью... А потом, совершенно незаметно для себя начинаешь чувствовать, что без шахмат тебе чего-то не достает. Можешь радоваться: ты оказался в числе людей, у которых нет врожденного иммунитета к шахматной лихорадке...

Так начинают все. А потом — все та же дорога, у одного более гладкая, у другого — менее. Но когда ты садишься играть матч на первенство мира, ты иногда вспоминаешь ту первую партию...»